The book cover features a textured, light-colored background. In the upper right, there are two white stars. A dark, wavy, textured pattern, resembling a fringe or a stylized landscape, runs across the lower half of the cover. The author's name is printed in a bold, black, serif font at the top, and the title is in a bold, white, serif font at the bottom.

НИКОЛАЙ
БОЛДЫРЕВ-СЕВЕРСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

Николай Федорович Болдырев-Северский

Избранные стихотворения

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60232191

*Н. Ф. Болдырев-Северский. Избранные стихотворения: Издательство «Водолей»; Москва; 2019
ISBN 978-5-91763-474-6*

Аннотация

Н. Болдырев-Северский известен прежде всего своими книгами об Андрее Тарковском, «Пушкиным и джазом», работой о Симоне Вейль и, конечно, пятитомным трудом о Р.-М. Рильке, включающим и переводы, и внутреннюю биографию поэта. Ему принадлежат также «Антология дзэн», книга о Розанове и несколько книг свободной прозы и эссеистики. И все же именно поэзия в центре внимания рифейского отшельника, писавшего в своем поэтическом манифесте «Поэзия и поцелуй»: «Сущность мироздания поэтична». И далее: «Единственный умалчиваемый предмет поэзии – Бог... Поэзия – надежда набрести на Исток». Глубина и искренность этой интуиции и создают ту особую музыку его стихов, что укрыта в паузы, а не в звуки. Ибо, как сказано в том же манифесте, «зачем читать поэта, если тот не подошел к границе пробужденности?» Стихи поэта нашли свое место в «Антологии русского лиризма XX века»(сост.

А. Васин-Макаров) и в ряде других. Как поэт-переводчик (Стафф, Тракль, Рильке, Целан) Болдырев-Северский отмечен двумя всероссийскими литературными премиями.

Содержание

Я возвращаюсь в потаённость...	7
Из книги «Мост» (2013)	7
Из книги «Прощание с Землей» (2015)	52
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Николай Болдырев- Северский

Избранные стихотворения

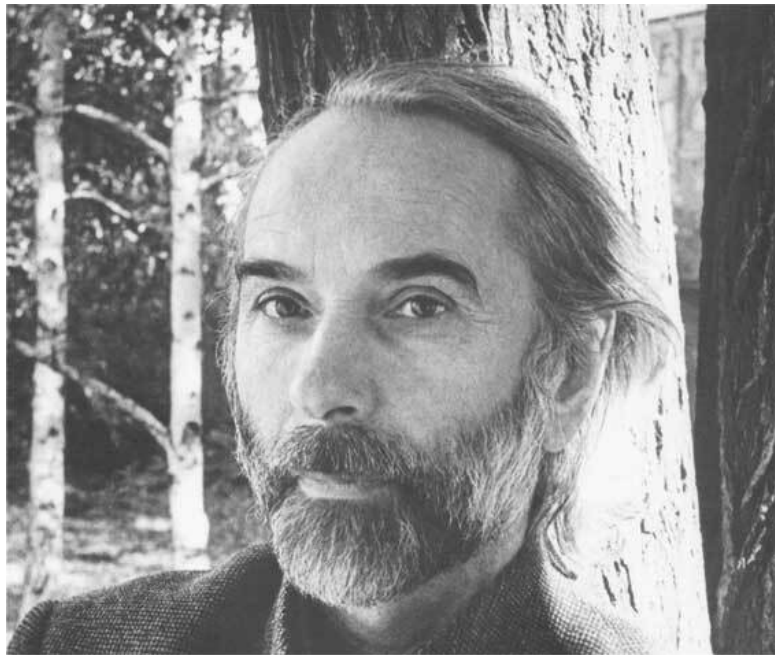
© Н. Болдырев-Северский, 2019

© А. Чуносков, фотопортрет, 2019

© О. Сетринд, оформление, 2019

© Издательство «Водолей», оформление, 2019

* * *

Я возвращаюсь в потаённость...

Из книги «Мост» (2013)

* * *

Душа пуста, хотя простор ликует.
И Волга чистая свой начинает путь.
И небо воду пьёт, и день бликует.
Но хочется забыться и заснуть.

В монастыре лежать над всей землею
и чувствовать совсем иной простор.
Не тот, где ласточки летают над золою
сгоревших чувств и потускневших гор.

Совсем иной простор, о правый Боже!
Должна же быть иная в мире вязь,
иная сладость звука, взгляда, кожи,
где нет всей этой вязкой тяжкой дрожи,
но есть вне всех сует самих эонов связь.
(Старица, левый берег Волги, 12 августа 2010)

* * *

Спектакли страсти и таланта
природа в нас творит спонтанно.
Так грезят волны неустанно.
Так неустанно бьют куранты.

И только святости причина
не из природного истока.
Ее ключи лежат глубоко.
За цепью гор – ее кручина,

что нас уводит дальше слова
и дальше тел и страсти знанья.
Там оставляют нас признанья.
Там новая в нас ждет основа.

* * *

Еще чуть-чуть пошевелим крылами,
еще чуть-чуть цветы потрогаем рукой,
потом взлетим над деревьями
и ощутим такой покой...

Но защемит вдруг боль тоски по краю песен,
по речке недолюбленной в утайных берегах.
И ворот новой жизни станет тяжко-тесен,
и ты уснешь в слезах.

Когда проснешься поутру ты этою рекою,
всё встанет на свои места.

Ты будешь в центре течь великого покоя,
чья музыка – с листа.

* * *

Что *было* – разве ж навсегда исчезло?
Не перервать тот звук, что не звенит.
Могущественна дней пустынных бездна.
Мощней столпов и гор невидимый гранит.

Есть чистота вдали от достижений,
от жадных перекрестков и дорог.
Есть близость без объятий и сближений.
Как книги есть без суицида строк.

Есть песня, чей полет мощнее ритма.
Есть голос, чью гортань нам не сыскать.
Есть бытие – не битва, не молитва:
в нас Позабытое желает сновать стать.

* * *

И все же лучшее в тебе -
во мгле рождается, во мраке,
среди полей и ковылей.
Ты предрассветный пил елей
в едва накинута рубаше
на крошечном на островке
среди реки тишайше-донной.
О полоумный лес бессонный,
пескарь, живущий на песке!..
Ты весь дрожал. В раю? В тоске?

Когда продлишь ты этот миф
до страсти в сердце безнадежной,
ты станешь особью берложной,
глубины горя полюбив,
где мощь реки поет мотив
всей сути жизни осторожной.

* * *

Как сад мой мал!
И в самом деле:

как тихо облако сознания,
как медленны его рецепты
и как бескрайни те пучины,
куда ввергает нас страница
любая, автора любого.

Когда бы даже он не гений,
а просто маленькая птичка,
в которой звезды блещут странно;
всё страшно в путь пуститься ночью.
Ведь сад мой будет без вниманья,
а в бесконечности нет смысла.

Я должен медленно и точно
следить за почками и цветом,
за желтизной и сорняками
и за пейзажем спелой сливы.
Здесь каждый день потоки суеты
меня пытаются развеять.
Ведь облако – мое сознание.

* * *

Мы тело не возьмем с собой.
Оно останется и, глиняное, сгинет.
На нас иное веянье нахлынет,
и мы уйдем в иного моря бой.
Лишь тело называем мы судьбой.

Печальное, оно совсем не знает,
где нас оставит и куда доставит.
Но что-то в нас его тихонько славит
за кроткое истаиванье жил.
Я в дрожи внетелесной тихо жил.

И в этом промежутке все успехи,
укромные, чуть слышимые вехи.
Расстаться с телом надо не спеша.
Оно уходит в каждой ночи молчи.
Телесное дыханье тем короче,
чем глубже забирается душа.

* * *

Какое в снах благоговенье!
Я помню, пайву нес с брусникой.
Из книг отцовских дуновенье
дышало темной сагой лика.

И лес уральский, где морошка
и мох, что пахнет первобытно,
сливались с парковой дорожкой,
где мысль веков дышала скрытно.

* * *

Где вотчина для берега и края?
Вот кто-то в землю сник.
Мы разве исчезаем, умирая,
А не меняем лик?

Мы краем движемся и чуем кромку,
Наш осторожен шаг,
Уже заметивший в цветах поземку,
С ума сводящий, новенький сквозняк.

Где вотчина, что, мнилось, может сбыться?
Ты сам – как забытьё
Чего-то бесконечно важного, что будет длиться
В отсутствие твоё.

* * *

Увидел прозелень Сиены
меж серебристых облаков.
Ландшафт уральских берегов -
как россыпь дымчатой морены,
волхвующей нам о вселенной,

пролившейся со дна веков.

А рядом с прозеленью – синь
мгновенных озерков меж пены.
То фрески древние: раздвинь
пространство глаз, убравши стены.
Взойди на улочки Сиены,
покуда длится солнца стынь
и сумерки к нам входят в вены.
Ведь щель между мирами – ты.

* * *

Сколь уникален день и эта ночь – бессонно-уникальна.
И все же есть в них то, что повторимо.
Волна поет и рушится о камень;
поет закат и звездный смерч непостижимо.

Нить неизменна в нас как ствол сосны ревущей.
Мы созреваем медленней, чем наши мысли.
И каждый новый дождь в нас глубже ищет мощи;
и все же это тот же дождь, покуда мы не вышли.

В нас неизменны сны, которым нет ответа,
где таинство пещеры и друзей глубинных.
И зыбится все то же в жилах детства лето,

и горе матери все так же жжет молебно и судьбинно.

* * *

Мне говорила мама, чуть скорбя:
жалее ли она тебя?
Недоуменно я ворчал: меня жалеть?
я от любви желаю ошалеть!..

Однако всех желанных, неспроста,
мы так жалеем – после, у холста
иль у ночного сонного моста,
иль у последнего дорожного креста.

И самых жалких мы с собой берем,
когда смежается всё больше окоём,
когда молчим, когда тоскуем впрок...
Сколь жалок тот, кто пожалеть не смог.

Детство

Сальные свечи монахи топили.
Погреб был полон покоем всеземным..
Лесенка долгая-долгая в нетость.
Знал я тихонько: жуки мы, конечно.
Только волшебные. Молчь огородов.
В сумерках всё уходило под землю.

Желтые странствия в снах до рассвета.

* * *

Таинственный кузнечик – вот поэт.
И стрекоза, что молча солнце пьет.
Как их не чтить, когда их жизнь – вне нас
настолько, что отчаянье берет.
Их жизнь – не самолет, но лишь полет.
Притом такой, что помутится свет,
коль что-то встанет на пути их глаз.

Кузнечик празднует свою судьбу.
И нас он никогда не удостоит
тоскою по общению; давно
утрачена с поэтами в нас связь.
Понятна нам едва ли коновязь.
Но стрекозиные мерцания бездонны.
В их вековечно донное окно,
где в зазеркалии быть может вьюга воеет,
нам не взглянуть: мы здесь, мы отражённы,
наш мир – не жизнь-и-смерть, но лишь кино.

* * *

Душа, избавившись от тела,
лете-, лете-, лете-, летела,
в летейских водах растворясь.
О чём, к кому здесь было дело?
К чему, к кому здесь прикипела,
слоняясь, но не прислоняясь?

...

Как тает всё в священной дымке!
Сияет дух весенней льдинки;
навозный пар – как жизни дых.
Коровий взор богам внимает.
И горка детства исчезает.
И всё, что было, нас не знает:
душа здесь тронута на миг.

* * *

Есть то, где ты неуязвим.
И это всё, что есть.
Там, словно море, млечность зим.
Там куст растёт неопалим.
Там ты не часть, а весь.

Там не войдут в тебя распад
и грохот мощных фар.

Там миллионы лет подряд
дожди и реки не молчат,
а длят аскезы жар.

Там вся волхвующая ночь
восходит к нитям воль.

Там можешь ты себя волочь
назад в себя в мальстрёмы почв,
где так блаженна боль.

* * *

Сочиненное слово не выше креста.
Потому и слова – не значительней жизни.
Краски могут пылать на поляне холста,
но основа холста – в бессловесной белизне.

Страх, громаден как ночь, наполняет кристалл.
Просквоженным вниманием дышит в нас око.
Ты не выше креста, ты – еще не уста,
чтобы что-то глаголать в экстазах потока.

* * *

И в сновидений дымчатую боль
безропотно ты уплывешь однажды,
где обретишь все запахи и жажды,
и все дожди любви, и все маршруты вошь.

По крохам собирая сам себя,
ты лесенку построил или сферу,
где кто-то все поет про вечные поля,
про море и в горах судьбинную пещеру.

* * *

Россия, Лета, Лорелея...

Кто в речи был заведомо рожден,
тот обречен священником быть звуков.
И вслушиваться в шорох, ропот, звон,
как будто храм – шептатель зги и слухов,
которыми ты полон просто так,
не понимая ничего, не отвергая.
Так столяр потом заливаает свой верстак.
Так мчится в небе ласточка нагая.

* * *

*В нас всех богов укрыты семена*¹
Хотя едва ли их припомним имена.
Печалиться ли нам с тобой о смерти,
когда всечасно в нас кипит последний бой:
то боги в нас, как в смертной круговерти,
жизнь защищают, жертвуя собой.

К богам в себе мы так неблагосклонны.
Не постигая, что вовне их нет,
что это их глубинами в нас дышат волны,
и пограничья бдительны бессонно,
и музыка порой слышна планет.

Есть кто-то в нас, с кем боги в переключке,
кто понимает их сияние вполне.
Кто неподвластен слепоте привычки,
кто просыпается и царствует во сне.

* * *

О дым непостижимый, уходящий!

¹ Из стихотворения Г. Бенна.

И вся тоска, идущая на нас
из облаков и мощи роц летящей,
пронзает вновь вселенство наших глаз.
Летящее и зыбкое вселенство.
Отец и мать ушли; ушел весь род.
Скончалось детство, отнято наследство.
Но кто-то же в пустотствии живет?
Ведь кто-то же к земле прижался ухом?
Есть кто-то же, кто подлинно скорбит,
кто свят сквозным благодаренья духом,
кто как Земля и как вода не спит?

* * *

Эту память ресниц
я хотел бы оставить воде,
недоверчивой влаге чернил,
чтоб не стать только прахом и пылью.
Боль бессрочна как бред;
Ты останешься сущностью лет;
Бог дается тому,
кто причастен тоской к изобилью.

* * *

Как хрупко зеркало сознания!
Еще чуть-чуть, и ты не виден,
не слышен; словно мирозданию
ты стал вдруг чужд и неподсуден.

И ты не слышишь воли рощи,
хотя листы тебя качают...
Как мощно всё они венчают!
Ведь в мире тайно дышат мощи.

Одни руины дышат вольно.
Останки царственны в гробницах.
Уже не тесно и не больно.
И отблеск душ – как тень от птицы.

Земля – погост бесчисленных мумий,
помпей, племен и саркофагов,
пронзенных музыкой безумий,
промытых флейт и бубнов влагой.

И ты, оставшийся тихонько,
уже одной ногой в руинах,
глаголешь междумирьем только,

гудящим в сагах и былинах.

* * *

Уступи мне, скворец, уголок,
Посели меня в старом скворешнике.
Отдаю тебе душу в залог
За твои голубые подснежники.

Николай Заболоцкий

Сюзереном стал вещий вассал,
уступив свой и замо́к, и рощу
чтоб весною с неслыханной мощью
дух скворца в человеке восстал.

Потерявший сознание скворец
и двуногий, из праха восставший,
путешествуют вместе; творец
изумленно сморгнул, повидавши

дружб немало на вечном веку.
Протоплазменно ночь погасила
их владенье на полном скаку
в измеренье, где слабости сила

возрождается в тайне из тайн,

где Орфей околдовал кифару
чтоб отправиться вовсе не в Рай -
чтоб *за* смертью найти себе пару.

Так и наш, из Тарусы, певец,
сдав залогово душу природе,
обнаружил бессчётные лиц
в самом тихом и хрупком народе.

Там не громы творят чудеса
и не дерзкие слова кощунства.
Там волшебная грезит роса
на вершине бесстрастного чувства.

* * *

Я сделался нервной системой растений,
Я стал размышлением каменных скал,
И опыт осенних моих наблюдений
Отдать человечеству вновь пожелал.

Николай Заболоцкий

Я стал бы безудержно свойством деревьев,
когда бы хватило мне веры в траву,
в свободную волю предгорных кочевьев,
где жизнь не качается подло во рву.

И в каменность скал помещаясь отважно,
и бережно тратя ток сил на цветок,
я тихую сагой светился бы влажно,
поутру туманом лаская поток.

Что ж мне помешало стать мытарем поля,
дождей пастухом, охранителем звезд?
Зачем я к машинам себя приневолил,
коль мозг трепетал пред алмазами рос?

* * *

Меж сновидений мы плывем,
и меж ручьев, и меж листьями.
И что-то происходит с нами.
Но что? едва ль когда пойдем.

Врастаем мы в наш вечный дом
или разматываем нити?
Поток невидимых событий
течет в нас горем иль ручьем?

Нас промывает чей-то дождь.
Мы вовлекаемся в течение
поэмы той, чье назначенье:

изобличить в нас тайно мощь.

Лишь тишь бескрайняя войдет
в случайность электронов тела,
и не найдешь иного дела,
как длить невидимый полёт.

* * *

Узнай себя – в лягушке, в теплом иле
бормочущей, но в моцартовой силе.
Отнюдь не дремлющей, отнюдь не сладкопевной,
но просто: дивной, никогда не гневной.
И в змейке, пруд пересекающей сквозь ряску.
Хотя мудра, но взгляд – текуч и ласков.
Нет ни испуга в ней, ни страсти, ни насмешки.
Открыта миру вся, без зовов и без спешки.

Пруд – не укрытие, не дом и не селенье.
Лишь – воссияние, лишь изумленье.

* * *

Печаль Создателя миров
дала нам мимолетный кров.

Печалью Вечного Отца
сияют очи молодца.
И очи девы веселы
печалью осени стрелы.
Мы пронзены печалью рек,
дорог, где тает грязный снег
и тихого сквоженья лет,
где оседает в травах бред.
И имена – в печальной мгме.
Так ты юнцом блуждал в тайге.
Кедровник мшистый был как храм,
как «гроб, где я умру без ран».
Там вспоминались имена
как жизни прошлой письма.
В кедровнике – всегда лишь ночь.
В нем пел орган, что гнал нас прочь.
Печаль предвечную земли
я о спасении молил.
Но выбрался в печаль лугов,
в сиянье лиственных богов.
Отец молчал печалью рук,
морщин бесчисленных излук.
Как быстро ветер гонит боль,
и как вкусна на хлебе соль.
Печалью выслан света сгиб.
Как нежно веянье молитв.

Корова чует власть тоски.
Как мне соски ее близки!
Печален жук, ползущий в жуть.
Как он далек, чтоб в нас заснуть.
Как бесконечна трав тайга.
Улитка тщит свои рога.
Невероятие всего
дух превращает в вещество.
Я пригибаюсь к склону зим.
Каков мираж метельных схим!
Концерт закатов так велик!
Как цветобог, как Ницше крик!
Печален Заратустры шаг.
Печален каждый гордый стяг.
Печаль струит Великий Глаз.
Как здесь обманчив дня экстаз!
Как ночи мощен водопад!
О, как далек наш вечный сад!

* * *

Есть в одиночестве тропа.
Её нельзя нам не спасти.
По ней велит сама судьба
суть одиночества пройти.
Быть в сумраке пустынных лет.

Но здесь скорее значит – *быть*.
Впускать в себя внезапный свет
и многое в себе забыть.
Не говорить и день, и сто,
и поменять привычек вязь.
И заполнять волшбу листов
как будто ты в изгнании князь
иль просто неизвестно чей
сын и посланник тишины,
когда в безмерности ночей
ты пересмотришь детства сны.

* * *

Как поздно ты, отчаянье, пришло.
Когда уже поломано крыло.
Как странно, что открылся горизонт,
когда утрачена основа бега.
Когда уж ни вперед и ни назад,
и корни не сулят побега.

В отчаянье без почвы смысла нет.
Лишь в поражениях ты можешь ждать побед,
когда отчаянье – источник силы.
Когда вдруг обнажается исток,
и ясно виден твой финальный срок,

и все, что длится с той поры меж строк -
воскресшей *памяти небытия* массивы.

И пораженьями обложенный как зверь,
ты в исчисленьях утонул потерь;
куда ни кинешься – везде ты нищий.
Все, что ни сделаешь, – лишь первый шаг.
Ты сам вчерашний – свой первейший враг.
Но если есть в тебе еще костяк,
зажги невидимый костер на пепелище.

* * *

Когда б мы не стояли на плечах
того, кто здесь до нас уже прошел,
мы не смогли бы достигать до дна.
Мы по-иному бы природу созерцали:
чуть сонно, иступленно, очумело;
и в нас экстаз иль ропот или страх
бурлил бы и кипел осатанело.

Но мы так много чувствуем вещей,
пронзенные сплетением догадок,
касаемся стен вещей и мощей
и чары музыки, чей голос – между складок
текучих облаков, где нимфы рек

теперь живут, ручьи оставив рыбам;
но в древе иногда – Орфей поет как снег
растаявший, и мощь ствола – не глыба,
но весть, как сакрэ кёр навечно днесь.
Так, стоя на плечах, я шарик вижу весь.

Но тот, кто *до* меня, он тоже – на плечах
стоял, ничуть не менее смущенный
догадками о сущности Ничто.

А первый в этой цепи:

он на плечах стоял задумчивых богов,
которые стелили ему кров,
нашептывая в ухо свои песни.

Вот почему в нас ха́осы миров,
хотя всё глуше отзвуки основ,
всё тише шепоты, всё занебесней.

И тот, кто нас порой зовет к себе,
тот непричастен к гону и к гульбе,
он не похож на врана-толмача,
ведь мы в пути (вот дивно что!) отча-
явшись почти, мы все-таки в пути.

Мы в русло вновь своё вливаемся почти;
вот именно – почти: в нас кто-то что-то льет:
неведомый мотив наш прорывает рот.

Нас рядом царство ждет по имени «лети!»

* * *

Когда ты сагой просквожён насквозь,
как рыба океаном,
каким путём бы обнаружить удалось
её тебе в круженье предбуранном,

в котором ты замешан, как мука,
что через тесто стала вкусной вещью?
Нас здесь съедают: в нас пыльца сладка.
Что мним мы тщетностью, то наполняет вечность.

Мы сквозняком продуты вечных снов:
в касаньях воздуха иль толстой старой книги;
и входим в озеро – нездешних тайн альков -
лишь в жизни раз; кто дарит эти миги?

В огне неотвратимостей: вот боль,
а может, жуть от скорости сгоранья.
Пусть мы пыльца, пусть дымка, даже – моль:
в нас длится смысл неведомый страданья.

Он тихо заключает нас в себе.
Нет без него прикосновений,
тех изначально-донных, не в толпе,
когда казалось нам, что мы в судьбе,
что мы внутри, а не снаружи песнопений,
не слышимых никем, но лишь тобой,
поскольку ты еще не ведал скуки
и не укрыт был этой сизой мгой
и ощущал своими эти веки, руки...
Риторикой не очертить тот ствол,
который держишь ты, чтоб не упасть, не сгинуть.
Мир существует ли, когда ты гол?
И существуешь ль ты, готовый мир покинуть?
Всё это плач, всего лишь слезный плач
по неполученным прикосновеньям.
Как будто суть укрылась в смога плащ,
став недоступна смысла воплощеньям.
Но осязанье – это бог души,
ведь мы завернуты в рубашку,
и наша кожа памятью блажит,
когда жила почти что нараспашку.
И все же не совсем ушла тропа,
единственна меж символов и смыслов,

где в паузах провалов дышит Пан,
вселенную неся как коромысло.
А в вёдрах – драгоценные миры,
пригоршни звезд в колышущейся влаге.
И ты глядишь с большой-большой горы
в прекрасной и бессмысленной отваге.

Городок детства

Как одиноко здесь плыли
жизни, которыми слыли.
О одино-одиноко,
дальнее Ориноко.

Улицей Льва Толстого
нёс я домой Льва Шестова.
И замирал над рекою,
словно распятый тоскою.
О Орино-Ориноко,
солнце стояло высоко.

Вечером тихие ели
прямо мне в душу смотрели.
А над рекою стояли
непостижимые дали.

Тьма укрывала наш домик,

и закрывался мой томик.
И уходил я в молчанье,
в смертное снов нескончанье.

И Ориноко летело:
жизнью меж звезд шелестело.
О Орино-Ориноко,
как мы тонули глубоко!

* * *

Светлой памяти родителей

Я с Севера пришёл, где свет
в коричневатых меркнет реках,
загустевая там, как мёд
в пространства сотах, где к нам льнёт
равно экстаз зимы и лета.

Я с Севера пришёл, где тьма
сквозна и белой вьюгой свищет,
и где во льдах молчит луна,
хотя кого-то явно ищет.

Во льдах всё живо до весны,
но лишь замедлило течение,

и всё горят в дыму костры
неведомого назначения.

Я с Севера пришёл, где боль
так скорбно возвышает холмы;
где нежно разнотравье воль
и так мягки в озёрах волны.

Там всё изгнанниками спят
деды, не возвратившись к Дону;
лежат без злобы и наград,
переборов в себе истому;

им снятся поступи жрецов
под рокот снежных бубенцов;
им Север кажется ничьим,
пространством анонимных схим.

Я с Севера пришёл, где лес,
как бесконечная планета,
гудит в пустой орган небес,
где всё уже до нас воспето.

Там я смертельно сохраню
косноязычия глубины.
Там немота моя невинна;

там никого я не виню.

В себя я с Севера вошёл.
Там всё ещё ничьи предгорья.
Не доскакал туда монгол.
Там неизвестности подворье.

Там посвисты старинных снов
пронизаны пуржливой негой,
что ткёт нас нитью из основ
летающих с неба оберегов.

Я с Севера пришёл, где дождь
мысль вытесняет незаметно,
где плачет куст ольхи рассветно,
где дом – черемуховый дож.

И где в саду всё сердца дрожь
непостижимо безответна.

* * *

О жизнь, пропавшая без вести!
Я, может, прожил жизнью двести,
но все еще в бреду.
Поют миры сквозь тьмы отверстий.

К кому бреду?

* * *

Чем ночи опыляются? Тоской.
Чем ночи растворяются? Рекой.
Небесною, но той, что нам чужда,
словно под током сверхвысоким провода.
И все-таки: и мы опылены.
Ведь мы – растенья, видящие сны.
Хоть бродим и летаем – то пустяк,
лишь сладостен пыльцы в нас звездный мрак.
Она одна дает нам тайный шарм,
многозначительность пустот в словарный дар.
И некий отсвет чуда в пустяках.
«О, мы – нездешни! мы – в чужих руках...», -
мы как сомнамбулы лепечем в строгий час,
не веря сами, что глядит в нас Спас.

* * *

Николаю Бондареву

Но спят ли ангелы? Быть может, спим за них:
иной раз, очень редко, очень кратко?

И наш немой, наш молчаливый стих -
для нас самих священная загадка?

К сновиденности тайн в себе идем
фрагментами в случайности рождений,
покуда вдруг однажды не пойдем,
чего мы ждем в слоистости растений,

которыми замыслил нас Адам,
покуда мы не сорвались из сада,
не разбрелись по бедственным местам,
дошедши до преддверий сладких Ада.

В нас древо жизни тайно шелестит.
Вот почему мы в миг рожденья плачем.
Потом бежим в беспомыслие молитв,
где зверь в нас, а не ангел обозначен.

* * *

Любовь есть сон – у Тютчева помета.
Но не любовь одна, вся жизнь -
из края в край сверкнувшая комета,
где изумление и боль слились.

Сентябрьский дым полей; мираж прикосновений.

К кому или к чему? Названья нет
струящимся лучам, потоку дуновений,
которые есть я, мой ум, мой мрак, мой свет.

* * *

Ты прошла. Но кто тебя здесь встретил?
О тебе поёт мне вышний ветер,
до которого мне не достать.
Всё прошло... Как мало нас на свете!
Мало так, что не узнать.
То рассеянная даль тревоги,
незамеченная близь блистаний,
где мерцательны растений боги
в бесконечности едва касаний.
Ты прошла... Невстреченная – ave!
Благостынна всякая твоя победа.
Извержения прошли, лишь лава
дарит горький шанс коснуться следа.
Ты была, ты есть, но ты не будешь.
Господи, когда ты нас рассудишь,
то сумеешь ли нас воссоздать:
нашу незамеченную дерзость
замечать не меченую местность,
где не тяготенье – благодать?

* * *

Есть чистота вдали от достижений,
от жадных перекрестков и дорог.
Есть близость без объятий и сближений.
Как книги есть без суицида строк.

Есть песня, чей полет мощнее ритма.
Есть голос, чью гортань нам не сыскать.
Есть бытие – не битва, не молитва:
в нас Позабытое желает снова стать.

* * *

Когда б ты смог однажды посмотреть
(с какой такой кондиции и стати?)
на жизнь свою, как будто она – клеть,
где лишь небытие – законодатель,
тогда бы ты внезапно ощутил,
как вспыхнули десятки, сотни нитей,
как будто кто-то праздник запустил
в магическом сплетении событий.
И ты бы понял: вот лежит роман
перед тобой, написанный до точки,

где в каждой строчке – кровь, а не обман,
где тлеют несгораемо листочки.
Когда бы осветил небытия
ты жизнь свою серьезными лучами,
как тотчас бы сомненья замолчали,
и ты коснулся бы источника питья.
Из белоснежной молчаливости степи
увиденная, жизнь заголосила
и вознеслась сама в себя и спросила,
и опрокинулась, и кинулась спасти
всё то еще, что впущено *оттуда*,
где нет случайных и ненужных встреч:
в романном зареве пытайся уберечь
кусочек смысла и кусочек чуда.
Лишь свет небытия творит роман:
мы видим сразу качество подмостков,
кто плохо знает роль, кто просто пьян,
кто истекает от незримых ран;
и голоса слышны, и подголоски.
Вся жизнь охвачена: она уже ушла.
Ты умер: наблюдаешь издалёка,
как движется мелодия весла,
тобой здесь петая бессмысленно-жестоко.

* * *

О голос ночи, голос крови!
Чертополоший дух коровий
и лягушачий писк подмышек,
когда ещё не знал ты книжек.
И был изыскан этот ветер,
как внутреннее дело мира.
Как внутреннее тело света,
когда дрожало в теле лето.
Как был кристален лета свиток!
Он скрипкой пел меж белых ниток
и розовых, и синих нитей,
и пёс лежал, как небожитель.
И ты разматывался тихо,
и нить была ничья, двулика,
она летела не в пространстве,
а в беспредметном сне-альянсе,
сдвигающем тебя к надежде,
что был ты кем-то где-то прежде.

* * *

Быть розой в царственной долине Роны,

на гребне скальном чистым сном умытой.
О райское блаженство кромки, края,
в который мы вонзили утро слуха.

* * *

Как странно: облака реальны,
а люди нереальны вовсе.
Как нежны, благородны танцы
и чувства облаков неясных
в их странствиях парадоксальных,
сквозь сизость пепельной волною.
А люди, рублены как гвозди,
одни банальности гундосят.
Как странно: ведь мираж не небо
и не волны захватной зовы,
а трупное зловонье хлеба,
вонзающего в нас оковы.

Какою новою печалью
закатно небо остывает,
а тело черными ночами
себя знобит и растворяет.

* * *

Мы почки трогаем весны
как будто песенки надежды.
Они нам так же неясны,
как смыслы речки и сосны,
хотя они давно не те же,
что были некогда, когда
ты доверялся ожиданиям.
Но оказалось, что вода
блаженствует необладаньем.

Внезапно обрывает смерть
витиеватость говорений,
потуги жалкие иметь,
ночные шорохи и тени.
И то, что ты хотел постичь
как связную всезавершенность,
вдруг камнем падает как дичь,
и жизнь встает как обреченность.

Всеобреченность. Но на что?
Что за картина из фрагментов?
Начатки множества мостов.
Оркестр без нот и инструментов.

Обрывки кавалькады снов,
мы связь в себе и не искали
как тех полетов тех орлов,
что отсветами в нас блистали.

* * *

Безмерное не там, где ты кричишь.
Но там, где ты как ночь сама молчишь.
Но разве ты молчишь когда как ночь?
Как кедр заснеженный, чья в молчи мощь?

Но кто-то ведь молчит в свой тайный рост?
Так ты касался некогда стрекоз
губами – их молчания причин.
И на мгновенье обнажал исток пучин.
(Где время выделяло мед *молчин*).

Безмерное – то разве трата сил,
что в нас пучинно кто-то возгласил?
Что беспредельнее, чем смерть во мраке глаз?
Мир – в море тонущий светящийся алмаз.

Пришелец

Марине Павчинской

Я на этой земле проездом.
Я на этой земле случайно.
Как далеки здесь звезды.
Как ненадежны тайны.

В этой смешной круговерти
я совсем ненадолго.
Я под охраною смерти
испепеляюще-волглой.

И для чего здесь людям
то, что душою зовется?
День и ночь непробуден
страх над крышами вьется.

Ну а касаний сонмы
разве здесь ощутимы?
Всё здесь бесследно и сонно.
всё здесь мимо и мимо.

Я на земле проездом.
Я на земле случайно.
Но почему здесь так бездно,
так отрешенно-розно
гнёзда свивает отчаянье?

* * *

И даже *уходя*, о том *кто* есть ты,
ты не скажешь.

Ни полсловечка вымолвить не сможешь.

Ты просто упадёшь как вещь
иль просто ляжешь,
как будто под тобой
не вечности корабль,
а пропасть ложа.

О, кто ты в самом деле -
прохрипи хотя б оттуда,
из полуяви-полусна,
из сумрачного перехода.

Прикосновенность к берегам -
великая отуда,
но для чего в нас жар горел, искавши брода?

* * *

Струной гудящею ты ищешь прикоснуться
к пьянящему избытку.

Но струна в тебе из логоса звенит.

Истаиванье страшно; как всё зыбко!
Как всё неведом обговоренный зенит,
которого коснуться удается
раз этак в сотню лет.
Избыток этот водопадом льется,
но избегает меток и примет.
Его не назовешь, не опредметишь, не запомнишь,
и потому к строке
летит рука, слагая миф иль повесть,
скользящие к забвения реке.

* * *

Узнай себя в огне, в сосне,
в улитке меж камышин,
в чужом кровоточащем сне,
в сияньи слив и вишен.
Узнай себя в лесном ручье
и в юноше умершем,
что над ручьем сидел как чел
и взора оторвать не смел,
но петь умел лишь вирши.
Узнай себя в губах врага,
дрожащих от желанья
вогнать тебя в туман, в снега,
в небытия изгнанье.

Узнай себя в пригорке том,
где ползал ты без смысла,
уверенный, что всё есть дом,
где пузом знал ты о былом
в бездонности пречистой.

Узнай себя в отца руках
и в высшей дрёме будды.

Миг узнавания лукав?

Ты осыпаешься в песках?

Но кто тебя разбудит,
когда ты не увидишь вдруг
себя в миллионах зовов,
в миллионах губ, бровей и рук,
чья суть всегда готова?

Когда вдруг зеркалом в ночи
не ощутишь бессонным
себя, куда молчишь, мычишь,
скрывая чувств зоны.

И все же отражаешь ты
миров неисчислимость.

Пускай они насквозь пусты,
пускай хоть чистые листы,
но их блаженна милость.

В мерцаньях света игр и ласк
оно неистошимо.

Летающих искр – межзвездный блеск -

ты ждешь неоспоримо.

Не можешь ты себя не ждать
вернувшимся из странствий,
не можешь между льдов не встать
в зеркальности пространства.

Не может Ночь тебя не жечь
очами влажных зовов.

Не можешь ты не течь, не течь
меж духа семафоров.

Из книги «Прощание с Землей» (2015)

* * *

Так мы живем:
наш каждый миг – прощанье.
Р.-М. Рильке

Чистые бога узрят.
Ну а нечистые – что?
Чист иль нечист – ты распят,
брошенный в ночь и в ничто.

Вот океан чистоты.
Нет в нем добра или зла.
Очи пространства пусты,
в кипени горя – зола.

Если прощаться пришлось,
значит ты *здравствуй* шептал.
Значит, ты суслик и лось,
моря и всхолмий вассал.

Значит, насквозь ты пророс

этим шептаньем ольхи,
стал этим шелестом слез
в ритмах столь смертной реки,

той, что сквозит глубоко
в теле волненьем сквозь боль,
где высоко и легко
дышит исходная соль.

Каждым касаньем пронзен,
каждой разлукой – в разрыв.
Грудь разрывает озон:
входит мгновенье в эон:
вот он, утайный прорыв.

* * *

Есть меж абзацами и строчками печаль...
Нет, не печаль: провал и чернота без края.
Воистину неведомая даль,
куда нам не доплыть без звездолетов Рая.

Вот в этом ужасе и скрыта книги суть.
Судьба вздымается как горных пиков крылья.
Ты извлечен на свет, стремительный как ртуть.
Но видишь только миг сквозь пепла изобилье.

Нам не достать всё то, что между строк и слов.
Оно громаднее всех наших заморочек.
Там буйствует аркан убийственных основ,
где шевелит пурга блаженный хаос точек.

Невежество мы тихое храним,
нанизывая буквы хрупкой вязью.
О, притяжение бездонных зим,
недостижимое ни страстью, ни боязнью.

И этой пропастью весь мир заморожен.
И даже синева в неё вперила очи.
Какой каскад светил над ней зажжен!
Какую тишину, как лот, выпускают ночи!

* * *

Прощание с Землей. Не с первого ль мгновенья
оно уже тихонько началось?
Не с первых ли обвалов наслажденья,
где ты утрачивал земную ось?

В прощании впервые постигаем,
что есть земля и что *мы суть*.
Всю жизнь прощанья музыку играем,

сливая бога боли с богом сур.

Прощаемся с любимыми местами:
с долиной зоркой, с тихой рекой.
Прощаемся с прощания песками,
с виной бесправною и с детской тоской.

И если слить в единство все прощанья,
все – от Адама далее Христа,
услышишь ты не вопль седой отчаянья,
а шепот обжигающий Отца.

И вся лингвистика земная – бред и чушь,
игра претенциозности забвенья,
что всей души – одномоментна глушь
в сиянии прощанья и прощенья.

* * *

Душа и кровь – как разошлись! И все же
когда-то в них текла одна роса.
Свершала ночь своё единобожье,
порхала муза – нимфа без лица.

И только-то. А ныне два потока
текут и спорят, до небес галдят...

И для души от крови нету прока
и в кровь душа вливает только яд.

* * *

Земля рождает нас, а мы рожаем сому,
которая течет по жилам облаков.
Но чтоб преодолеть начальную истому,
мне нужно изойти из зыбистых песков
бесчестья слов, слогов, фонем певуче-властных.
Но как мне вровень стать со степью и рекой,
когда, сверх естества, всё жду огней опасных,
пронзенных сверхъестественной тоской?

* * *

Что тело? Инструмент. Шарманка. Дудка.
Агония растительного плена,
когда ты избавляешься от плена
утробных зовов, знамений рассудка.

Влечение тел неужто же любовно?
О, как наивна и обманна эта сага.
Прозрачная свобода – это влага
движенья рядом, где дыханье ровно.

Дыхания едва-едва заметны.
Где тело и где ты – уже не знаешь.
Уже ты ничего не повторяешь,
когда твои касания заветны.

* * *

Когда не любишь ты природу-мать,
что можешь ты, пацан, сказать о духе?
Когда не можешь шёпот понимать,
кощунственно о высшем грезить слухе.

Рожденный духом, что в природе скрыт,
унеженный его противовесом,
в земное небо мчишься от обид,
снедаемый и ангелом, и бесом.

Пусть сверхприродна суть, и все же в ней,
в природе-матери, все наши корневища.
Внутри Земли – и звездный сонм огней,
и иномирий нежные жилища.

* * *

Мучительно касание истоков.
Живешь, не зная ни путей, ни сроков,
которыми ведут тебя они:
фонемы, атомы, корпускулы и стуки,
события, верчения и слухи,
бесхозная влечения игра...
Не всё ты принимаешь на «ура»,
но все же кое-что и принимаешь
и горе мира крепче обнимаешь.
И вдруг внезапно брюхом понимаешь,
что не нора исток твой, а гора.

* * *

Слова заведомые тщетны.
А поиск слов – занятие хитрых.
Спонтанные миры залётны
как клобуки, костры и митры.

Слова – обуза бузотёров,
налог тщеславия бездонный.
Нас протирает будней нором:

так камень точат ночи волны.

Мы истончаемся на сгибах.
Безмолвие вдруг входит оком:
мы просто умираем либо
блаженно *видим* ненароком.

* * *

Как кротко дух в нас серебрится!
Лишь шепотком, не гордой птицей
струятся дали, зовы, лица...
Жизнь невесома как ресница
меж опаданья всех систем,
меж блоков мысли, чувств, привязок...
Ты опадаешь в красках сказок
меж столь же нереальных тел,
живущих вечным ожиданьем,
где души длятся ускользаньем,
когда очаг их опустел.

* * *

Когда загадочную мысль
ты постигаешь понемногу,

вдруг видишь: нет, отнюдь не ввысь
ведет телесная дорога.

Ведет скорее в полный крах,
где ты едва ли был собою:
ты был росой на устах,
но не травой, не травой.

Тебя использовали дни
для механического тренья.
А между дней тебе *они*
вливали в дух свои воленья.

Но *между* днями ты не жил
и в сумрак свой не погружался.
Ты жизнь как мел в руке крошил.
О, если б, потрясенный, сдался!

Незнакомец

Его я в юности моей встречал довольно часто;
он элегантен был, задумчив, молчалив.
Казался мне на Свана чуть похожим.
Вот только был всегда один он почему-то;
стоял то возле школы, то (через много лет)
возле театра в городе уже губернском
или возле изысканности полного кафе на перекрестке.

Осень, дождь. И он, поднявши воротник парижского
(так мне казалось) пальто или плаща,
стоит вот и сейчас во мне, неторопливый, как будто нет
дождя,

и улицы, и всех, кто рядом будто
стоял, ходил, и размышлял, и думал...

И, незнакомый с ним, но зная, что он вельможный сын,
потомок рудознатцев горных,
я любовался им со стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.